

Денись Рубцовъ

СОНЪ
КАКЪ МЪРА
ПОНИМАНИЯ

Римъ-Парижъ-Мюнхенъ-Москва-Новосибирскъ.

Денис Рубцов
Сонъ какъ мѣра пониманія

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10325872

ISBN 978-5-4474-1126-8

Аннотация

Зарницы вязнуть въ пеленѣ дождя, застилаетъ сумерки туманъ дремоты – покрывая омутъ недосказанныхъ полунамёковъ. Тріединство сна, мѣры и пониманія даётъ воображенію время.., медленно погружая въ міръ иллюзій современныхъ бывальщинъ.

Содержание

Цвѣтки мака	6
Арбузь	8
Вѣтеръ	11
Гавана	12
Гдѣ быть	14
Для тебя – радъ	16
Запахъ осьминога	17
Клятва волнѣ	19
Кукушкины слѣзки	22
Пересѣченіе	24
Пьютъ ли кофе	25
Рѣка	32
Родинка какъ божья коровка	34
Сестра изъ стали	36
Словно вѣтромъ касаться	39
Терпко	41
Удивить	43
Шѣль и плакаль	45
Женщина, которая рядомъ	48
Ирисы	49
Корабль дѣлаеть бурю	50
Люди въ шубахъ	53
Не сжечь книгу	54

Ночь дѣлаетъ меня нервнымъ	57
Слѣпокъ Дона Лучано	58
Конецъ ознакомительного фрагмента.	59

Сонъ какъ мѣра пониманія

Денись Рубцовъ

© Денись Рубцовъ, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Цвѣтки мака

«Дождь, возможенъ градъ, но всё же ночь будетъ жаркой», – черезъ шипѣніе рассказываль о погодѣ, подрагивая изображеніемъ, старый телевизоръ. Дѣлать было совершенно нечего, поэтому оставалось лишь смотрѣть въ окно на мокрый проспектъ въ неоновыхъ рекламахъ да на изрѣдка проносящіяся машины.

Всё это мѣсто было похоже на то, гдѣ я когда-то жилъ. Но когда рѣшено было помѣнить весь этотъ песчаный бытъ, что хрустѣль на зубахъ, на болѣе спокойный и влажный, то переѣхаль сюда. Сюда, гдѣ дожди и роса бываютъ гораздо чаще, чѣмъ сосѣдскія склоки.

Четыре дня назадъ купилъ въ магазинѣ свѣжую тунцовую пасту, одинъ разъ сдѣлалъ бутербродъ, да такъ и забылъ о ея существованіи на верхней полкѣ холодильника.

- Давай съѣдимъ въ лѣсъ? – предложилъ я ей.
- Въ тотъ, гдѣ погость? – спокойно отвѣтила она.
- Тамъ сѣрыя плиты.
- Тамъ нѣтъ людей.

Сегодня вагонъ метро былъ полупустъ, и жарило солнце. Вхать было часа два. Мы уснули.

- И, правда, здѣсь всё очень тихо.
- И не поютъ птицы!

– Навѣрное, у нихъ трауръ.

– Почему?

– Въ новостяхъ передали, что какой-то самолётъ совершилъ аварийную посадку изъ-за попавшей птицы въ сопло двигателя. Навѣрное, по ней печалются.

– Кто знаетъ, быть можетъ и такъ, – отвѣтила она, и мы пошли дальше между плитъ засыпанныхъ иголками.

– Иголки – это пепель лѣса.

Вчера срѣзаль нѣсколько вѣточекъ папоротника, того, что растётъ неподалёку.

– Мы есть всегда.

– Откуда ты это знаешь? – спросила меня она, держа за руку.

– Знаю.

– Я тебя люблю, – и пристально посмотрѣла на меня.

Завтра нажму кнопку вызова, и за считанныя секунды лифтъ отвезётъ съ верхняго этажа въ міръ людей и тунцовыхъ пасть. Заверну за уголь дома напротивъ, дойду до поля – тамъ, какъ кровью облитый пергаментъ, есть красные цвѣты. На вѣтру ихъ лепестки дрожать.

– Здравствуй, – скажу я ей и протяну ихъ.

Она будетъ въ бѣломъ сарафанѣ и съ шёлкомъ волосъ.
Къ ея груди прижать папоротникъ и цвѣтки мака.

Арбузь

Много безвкуснаго снѣга и въ сумракѣ Рождества выюжить розсыпью снѣжинокъ. Ледяныя корочки добавили лоска дорогамъ, а иней вскружилъ оконныя стѣкла. Рѣзкій вѣтеръ долженъ выдувать фигуры, поддувать подъ кромки шубъ и уноситься прочь. Уноситься ввысь, набирая тамъ холода. Здѣсь и кружева зимнихъ сѣтей, и многолюдныя крапинки, укутанныя въ тепло мѣховъ.

Ближній свѣтъ ей идти отъ клуба. Какъ и всѣ, въ слояхъ жара, съ пугливой, словно въ подарокъ, походкой. Въ ея рукахъ бумажный свѣртокъ. Коричневый цвѣтъ картона къ ночи приглушенъ зябкой желтизной фонарей и пескомъ звѣзднаго неба.

Уже дома скинетъ верхъ, разуесть ноги и отъ усталости присядеть въ кресло. У нея большой вѣсь. Брюшко и отвисшія груди. Огромныя груди, какъ грозди тѣмнаго, немного подгнившаго винограда. Должно быть, вскинеть къ своей головѣ руки, сниметь заколку съ волосъ. Слегка наклонится впередъ и тяжело поднимется. Дойдетъ до кухни, гдѣ достанетъ изъ сумки рабочій виниль, съ трудомъ выдернетъ пикантную колбасу и вытряхнетъ рассыпавшійся черносливъ для салата.

Сегодня у нея будетъ гость; и она его ждѣтъ.

На сладкое развернѣтъ бумагу и на столѣ покачнѣтся арбузь. Зимній арбузь.

Изъ полного снѣдью холодильника что-то переложится на столѣ и начнѣтъ мелко дробиться и шинковаться, перелистываться поварскими книгами, а вмѣстѣ съ тѣмъ обливаться майонезомъ и потомъ. Взмокнуть джемовой пропиткой слою торта, и струйками намокнетъ бюстгальтеръ.

Выставивъ свой трудъ на столикъ около дивана, она пойдѣтъ принимать душъ.

Грузно перешагнѣтъ бортикъ ванной, включить холодную, затѣмъ горячую воду и съ доступной тщательностью начнѣтъ ласкать себя фруктовымъ мыломъ.

Парой движеній подъ лѣвой грудью, соскользнувъ, проведѣтъ рукой подъ правой. То, до чего возможно достать, намылить снова. Слегка раздвинетъ ноги и сдѣлаетъ чисто. Близко подойдѣтъ къ душу и грустно вымоетъ голову. Смотреть всю пѣну, почистить зубы и пока ещё не открыта дверь, не выпущено тепло, она протрѣтъ себя, какъ хрустальный бокаль, огромнымъ полотенцемъ.

Въ жизни есть обнажѣнныя дѣвушки – она же изъ ванной выйдеть голой.

Поставить въ проигрыватель принесѣнный виниль. Подъ иглой издастъ шумъ и заиграетъ настроеніе.

Начнѣтъ сушить ещё влажные волосы и, конечно, поста-

рается сдѣлать въ мѣру симпатичную прическу. Послѣ надѣнетъ едва красный костюмъ съ синевою прострочки. Накраситъ губы чуть замѣтной морковью, и будетъ ждать. Будетъ ждать до самаго утра, но гость не придѣтъ.

Подъ утро откуда-то съ неба посыплетъ мелкій снѣгъ. Она достанетъ широкій ножъ, щедро отрѣжетъ кусокъ зимняго арбуза. Будетъ плотно кусать зубами самую мякоть, а чѣрные усики надъ губами намокнуть отъ арбузной влаги. Закончивъ, промокнѣтъ салфеткой красноватый сокъ и перерѣжетъ себѣ вены.

Вѣтеръ

*На прохладномъ огражденіи пріостановился
садовый слизень.*

Сейчасъ его сжималъ вѣтеръ.

Руки прогибали спину, смазывая масло по ещё сухимъ мѣстамъ. Пальцы жали и растирали упруго, щипая. Съ восходящимъ потокомъ скользили и цѣловали губы. Приходилось ждать пока впитывался блескъ.

– Почти. Всѣ очень скоро.

Она распрямляла спину. Перевернувшись, приподнималась, подтягивая къ груди ворохъ одеждъ. Врывался августовскій вѣтеръ, выглядывала осень.

Внизу, совсѣмъ далеко, были люди. Навѣрное, стоило, сжавъ плечи, прыгнуть въ самую гущу. Молча летѣть, но за мигъ до касанія стирать слезу, что сбѣгала отъ вѣтра.

Гавана

Ты хочешь это знать, но зачѣмъ. Вѣдь пока ты не знаешь, ты можешь быть счастливымъ.

Лѣгкій вѣтеръ. Лѣгкій вѣтеръ и мнѣ сорокъ одинъ годъ. И почему-то снова не кратно. Ничему не кратно.

Гдѣ-то за океаномъ играетъ музыка; должно быть это саксофонъ.

– Обязательно саксофонъ.

И летитъ сюда по вѣтру подъ ритмъ прибора.

– Какъ ты думаешь, сколько намъ осталось жить?

– Ш-ш-ш..., ш-ш-ш..., – скажешь ты волнамъ, но онѣ не утихнутъ.

Музыка не должна переставать. Нескончаемо – рояль и скрипка. Именно какъ тонкая струнка во мглѣ.

На твою колѣнку сядетъ муха, пробѣжится своими волосатыми лапками и взлетитъ. Прохладный вѣтеръ. Прохладный вѣтеръ и жѣсткія перекладки шезлонга. И почему-то снова не кратно. Ничему не кратно.

Вечерняя прохлада и дымъ сигары.

– Никто не видитъ, о чѣмъ думаешь ты.

Маракасы; и длится музыка. Встанешь, поёжившись, оставивъ за собой влажный слѣдъ и по песку до кромки солёной воды. Наплывы волнъ. Наплывы волнъ и разбегающіеся блики луны. Не кратно снова. Не кратно ничему.

Шагъ въ прохладную воду. За нимъ ещё и снова. Снова голень и снова бѣдра. Съёжившись, ступаешь по мягкому дну, и музыка тамбуриновъ; и саксофонъ. Пронзительный саксофонъ. Грудь и шея въ водѣ. Выдохъ.

Намокшіе волосы ещё можетъ задѣть вѣтеръ. Какой-то мигъ, какой-то шагъ. Вдохъ и музыка.

Гдѣ быть

Съ дымомъ окутаны волосы.

Чёрствыя, сизыя,

словно осинья полосы.

Возгласы рядомъ; адовы.

Движенія немощны.

Вотъ же они – черти алыя.

- Колотится сердце.
- Но вѣдь бьётся.
- Кто же можетъ знать.
- Надо стряхнуть пыль.
- Но какъ?
- Пожалуй, стянуть и паутину.
- Чѣмъ?

Волны ровнаго пляжа и духъ яблочнаго цвѣта. Здѣсь комфортно; не болѣе.

Доѣхать до самаго края земли. Дыша мелко отъ пыли дорогъ. Прищуривая глаза отъ солнца съ невражьей стороны.

Если вѣрно сдѣлать надрѣзь, то вполне можно разглядѣть золото сердца. Но такіе случаи чрезвычайно рѣдки.

Довольно толстыхъ и увѣсистыхъ, объёмныхъ задницъ, что мнать себя прелестными русалками. Прочь, вонь, въ бо-

ЛОТО, ВЪ ТИНУ.

– Великолѣпіе.

– Величіе.

– Куда ужъ намъ.

Для тебя – радъ

Совсѣмъ невдалекѣ маякъ. Это не то радіо, что слышно по утрамъ въ загородныхъ садахъ, скорѣе это башня. Высокая башня съ рубиновымъ огнѣмъ при самомъ поднебесьѣ. Съ яркимъ свѣтомъ отъ ослѣпительнаго для взора фонаря. За которымъ непроглядная тьма.

- Въ чѣмъ ихъ отличіе?
- Въ страхѣ.
- А развѣ онъ есть?
- Какъ же не быть. Долженъ.
- Не нужно.
- Какъ знаешь.

Подъ окномъ снующія поды шаркающими сапогами собаки. Одомашненныя и вовсе не молодыя такія собаки. Ещѣ же слышно голосъ. Ея красивый голосъ отъ того радіо, что изъ загороднаго сада. Ея красивый голосъ сіяетъ рубиновой кровью и заститъ что-то.

- Что-то, чего не видно.
- Не разобрать.
- Постой.
- Что это ты?
- Для тебя – радъ.

Запахъ осьминога

Просторныя комнаты со свисающими портъерами всё ещё въ пустотъ и только смѣняющая одна за другой музыка. Музыка и слова звучащія изъ радіопрѣмника гдѣ-то въ холлѣ, а я сижу на тонкой стопкѣ прошлогоднихъ газетъ и пѣмъ сушёнаго осьминога.

Балконныя двери распахнуты настежь и позднія капли осенняго ливня, пролетая комнату, растекаются въ лужу. Брызги и тѣмныя пятна вымокшихъ портъеръ. Спѣшить некуда, да и вовремя утеряно. Скоро наступить зима, а пока ещё немного осени съ раскрытыми окнами и вихрями снѣга. Мелкаго ночного снѣга, что пришѣлъ на замѣну вечернему ливню. Онъ заметааетъ ночные слѣды. Болотнаго цвѣта майка и красное полотенце. Немного замёрзли ноги, а свѣжій воздухъ дурманить. Отъ тушки осьминога осталась одна щупальца и тотъ же запахъ.

Съ балконной террасы наблюдалъ за людьми въ кафѣ напротивъ. Старомодной женщиной принесли заказанный фруктовый салатъ. Знала бы она, что изъ отбросовъ поварь только вырѣзаетъ гниль.

— Порой смерть выдаютъ за жизнь.

— Шѣпотъ съ молчаніемъ.

– Наединѣ.

– Я многое поняла.

– ...?

– Ты развѣ не чувствуешь отвѣта?

– Сукой себя не назовёшь.

– Зря.

– Что хотѣла сказать?

– Искала среди нихъ и только сейчасъ поняла, что искала тебя.

– Почему?

– Я многое поняла въ тебѣ, какъ въ человѣкѣ.

– Что дѣлать теперь?

– Не знаю. Теперь уже поздно.

– Кто тебѣ мѣшаетъ начать всё заново?

– Никто.

– Тогда продолжи.

– Хорошо.

Немногимъ позже выйти на крышу. Сомнѣнія, но громко крикнуть:

– Если сейчасъ стою на землѣ, то какъ же прыгнуть назадъ, въ небо?

Клятва волнѣ

Сама по себѣ клятва представляетъ широкій интересъ, но для малаго круга публики. Лицемѣріе же, какъ панацея для слабыхъ нервомъ, – первое, что возникаетъ при ошибкѣ въ удержаніи клятвы. Не сдержалъ – обмануль. Обмануль въ первую очередь себя. Силь сдержать же и подавно не такъ ужъ и много. Сдержалъ слово – окрѣпъ. Только вотъ случается, что и начать не съ чего, а ужъ продолжить и подавно.

- Не передъ кѣмъ.
- Передъ собой.
- Давно умнымъ сталъ? Передъ собой и подавно.
- Вѣкъ живи – векъ учись.
- Кто о чѣмъ.

По одну изъ сторонъ коридора идѣтъ стѣна. По другую же – совѣмъ; считай, что и вовсе неинтересно.

- Клянись.
- Выкуси.
- Сейчасъ же поклянись.
- Не вводи въ недоразумѣніѣ.
- Кому говорятъ, клянись.
- Утомилъ.

Въ куцыхъ рамкахъ по всему гобелену открытки; вдаль.

Длинная коридорная безвкусица, срамъ.

- Напросишься.
- Напрошусь.
- Клятвопреступникъ.
- Самъ такой.

Песчинка попадѣтъ подъ вѣко и испортитъ видъ на открытое морѣ. Песчинка попадѣтъ въ пазухи носа, попадѣтъ на губы и глубоко въ ротъ, забьѣтся въ пупокъ. И считай зря весь этотъ сонъ на берегу.

Сидишь, безстыдно разсматриваешь потѣртую открытку и дѣлаешь видъ, что вспоминаешь тотъ ознобъ и тѣ сѣрыя тучи – вертепъ на глянци, песокъ въ трусахъ.

- Успѣль-таки открытку прикарманить.
- Пожалуй, пусть лучше имъ стыдно станетъ за то плебейство, что подъ стекломъ развели. Дерьмо выхолощенное.
- Кипить?
- Клокочетъ.

Дѣвочка въ платици, волны въ человѣческой ростъ и угрюмое пепелище. Платици пусть будетъ розовымъ вродѣ какъ чуть, почти какъ слегка. Пепелище отъ костра разочаровано крупнымъ дождѣмъ, а тѣ волны, что въ полный ростъ, такъ и вовсе никому не интересны. Ляжетъ на глянецъ.

Далеко ли тебѣ плыть волна; куда же ты дѣвочка, милая

дѣвочка, куда же ты пошла. Тамъ въ ростъ, тамъ въ брызги, тамъ внахлѣсть, тамъ горизонта нѣтъ.

– Всѣ помню, не бузи.

– Молчу.

– Тебѣ всё ещё нужна эта глянцеваѣя клятѣва?

– Кому какъ не тебѣ виднѣе.

Волна усилится, на многія силы воспрянетъ надъ немощнымъ пескомъ. Воспрянетъ и обрушится. Словомъ, проснѣтся. Безъ разбора выбѣетъ во тьму пепелище. А дѣвочка въ платьицѣ просто заглядѣнье. Нехорошо съ волной какъ-то получается, но просыпаться сквозь слѣзы надо.

– Пожалуй, посмотрю.

– Не напугай.

– Страшное позади. Платьище высохнетъ, никуда не дѣнется. Сейчасъ если что и нужно, такъ только вмѣстѣ воздухомъ дышать; влажнымъ. И радоваться морю.

Кукушкины слёзки

– Дѣвушка, вамъ, навѣрное, лучше будетъ подождать въ приёмной.

– Она вышла. Да, можете забирать. Настоятельно рекомендую быть съ ней построже.

За стѣной раздался громкій вопль.

«Всё холоднѣй.

Ты безъ меня.

И я безъ тебя.

Ты мнѣ нуженъ,

Скорѣ согрѣй,»

– пѣла эта женщина.

Трамвай вздрагивалъ и пускалъ струи воздуха. Взлеталъ. Я долго думалъ о ней, о томъ, что произошло за эти годы.

Прислонившись лбомъ къ оконному стеклу, просто смотрѣлъ вдаль. Многодѣтная бездѣтная мать – кукушка. Она какъ могла, любила своихъ дѣтей. Старшаго, какъ ей хотѣлось думать, изъ-за болѣзни она отдала въ интернатъ вмѣстѣ съ одной изъ сестѣрь. Второго своего ребѣнка оставила на пустырѣ. Объ этомъ она рассказала, находясь въ алкогольномъ

полубреду. Двухъ младшенькихъ дочекъ порой съ усердіемъ
била проводомъ отъ чайника. Странная была семья. Безъ му-
жа и безъ будущаго.

Подъ окнами, за гаражами, четверо взламывали чей-то
погребъ. Вскрывъ замокъ и швырнувъ его въ кусты ещё мо-
лоденькихъ тополей, они по очереди начали спускаться въ
прохладную тьму. Вспоминалъ, какъ она плакала ночами,
уткнувшись мнѣ въ колѣнки.

– Кукушкины слёзки – это цвѣтъ твоей души, – тогда го-
ворила мнѣ она.

Пересѣченіе

Въ роли бѣлокурой дѣвушки та, которая играетъ что-то утонченно-лёгкое; а листья кружатъ по вѣтру, и она совсѣмъ не думаетъ. Но есть торшеръ, и есть ея сны.

Для глазницъ тѣхъ – небо закрыто. Казалось бы, нѣтъ и волны, нѣтъ неба и глазъ. Но что-то есть. И пусть бы стояла тёплая пора въ тёплой странѣ. Также приемлемо, если бы въ кадръ попали тѣ самыя пустыя глазницы. Была бы вода – дальнее море съ приподнятыми чуть выше колѣнъ одеждами. Была бы вода.

– Волна и вовсе выше звѣздъ.

– И только вѣтеръ надъ.

Пьютъ ли кофе

Своевременное замѣчаніе, сдѣланное сегодняшнимъ днёмъ близкимъ человѣкомъ, заставило сѣсть въ кресло и напечатать этотъ отрывокъ изъ дневника, который попалъ въ руки задолго до смѣны дома.

***

Той осенью посчастливилось увидѣть этотъ диванъ раньше другихъ; возлѣ чѣрнаго хода. Вернувшись по витой лѣстницѣ въ квартиру, пришлось разбудить сосѣдку. Ранняя осень и прерванный потокъ ея сновъ. Пришлось нагнуться, чтобы дотронуться до ея плеча и разбудить.

Пятичасовая луна чуть только принимались ко сну. Оконная занавѣска давно какъ выгорѣла на солнцѣ, но со своей задачей ещё справлялась.

– Вставай, радость, тебѣ диванъ приглядѣль.

– Который часъ?

– Вставай.

Пятый мѣсяць, какъ сняли эту квартиру. Она спала на толстомъ матрацѣ, который былъ застеленъ двумя простынями. Я же не спалъ.

Безшумно раздавливая своими тапочками тишину, она

дѣлала видѣ, что справляется, и всё же, что есть сила, помогала мнѣ тащить диванъ на пятый этажъ.

Старенькій диванъ съ пыльными подлокотниками и подушками былъ поставленъ вплотную къ торцовой стѣнѣ.

– Теперь-то всё?

– Иди ужъ.

– Ты чего такъ рано?

– Прогуляться.

– А-а, – съ сокрытымъ разбираться ей было лѣнь, отчего она по-новой зѣвнула и, развернувшись, ушла къ себѣ въ комнату.

Тихо закрывъ дверь ключомъ и спустившись во внутренній дворикъ, посмотрѣлъ на своё окно съ задёрнутой занавѣской и вышелъ на широкую улицу.

Каменные мостовые и вздыхающіе скверы, рѣдкіе голуби и углы домовъ съ облетѣвшей краской. Ранѣе утро съ тѣмнымъ небомъ, густой воздухъ и гдѣ-то далеко слышимый запахъ рѣки. Встрѣчались прохожіе. Рѣдкіе, отчего ихъ лица почти сразу покрывались сѣрымъ туманомъ и таяли въ перекрёстахъ.

***

Знакомый, когда-то работавшій окружнымъ совѣтникомъ, считалъ своей обязанностью какъ можно чаще напоми-

нать о томъ, что человекѣку всегда нуженъ тыль. Ребѣнкомъ, слушая его слова, улыбался и киваль головой. Тыль, – говориль онъ, – это всегда увѣренность, увѣренность и начало всѣхъ началъ. Только изъ-за вспомнившагося совѣта диванъ рѣшено было поставить именно къ торцовой стѣнѣ и никакъ иначе.

Ещё же на стѣнѣ висѣль старенькій гобелень съ полупрожѣнымъ изображеніемъ революціи. По комнатѣ раскинутыми были нѣсколько книгъ, а стоявшій горшокъ съ фикусомъ дополняль безпорядокъ.

– Какъ вчерашняя прогулка? – спросила у меня она.

– Почти обычно.

Она нарѣзала тонкими ломтиками переспѣлыя яблоки, смѣшала съ тѣрымъ сыромъ, что оставался съ позавчерашняго дня, и лишь затѣмъ залила грибнымъ соусомъ.

– Давай поужинаемъ? – предложила мнѣ она.

– Только если совсѣмъ немного.

***

По дивану изъ разорвавшагося бумажнаго пакета раскатились апельсины.

– Опять трахалась съ рыночникомъ?

– Замолчи, не твоего ума дѣло.

Хоть она и была шлюхой, называвшей себя проституткой, но денег съ каждымъ днёмъ ей становилось явно мало.

– Что ты глаза на меня вылупилъ?

– Думаю.

– Ищи работу, а не слоняйся по городу. Больше пользы будетъ.

– Кому?

– Идіотъ.

Иногда она кричала, но, какъ и денегъ, такъ порой и силъ переставало хватать. Поэтому почти каждый вечеръ обезображенная хриплымъ голосомъ безоглядно сбѣгала изъ дома.

***

– А если я тебѣ кое-что расскажу, ты будешь меня любить?

– Смотря что.

– Нѣтъ, ты отвѣть.

– Ты чего сегодня такой глупый? Конечно, буду.

– Я знаю, гдѣ есть деньги.

– Гдѣ?

– Въ томъ домѣ умалишённыхъ, откуда ты меня вытащи-
ла.

Когда-то тамъ били, было больно, но слѣдомъ приходи-
ла привычка; какъ и привычка къ лѣкарствамъ. Однажды,

стоя за изгородью, увидѣлъ въ витринѣ какого-то магазинчика нѣчто сверкающее. Тайкомъ выбѣжалъ, но было холодно. Тогда и замёрзъ бы, но пришла она и спасла мнѣ жизнь. Иногда она объ этомъ напоминаетъ.

– Деньги? Откуда тамъ деньги?

– Пожертвованія.

***

Сегодня мы идёмъ туда.

***

Пятый день болитъ голова, всё сильнѣе и сильнѣе.

Деньги было достать несложно, такъ какъ многія двери не закрывали. И вообще, теперь она за меня гордится.

Тогда же вечеромъ рѣшили немного отмѣтить.

Весь день гулялъ и кормилъ голубей. Шѣлъ дождь, обивая слабые кленовые листья.

***

Пьютъ ли кофе съ добавленной ложечкой коньяка. Къ полуночи одного лишь кофе показалось мало, и она сильно напилась коньякомъ. Оставилъ её спящую на диванѣ. Ко всему прочему она обмочилась и поэтому пришлось её раздѣть.

Оказалось, что у нея тамъ не всё такъ, какъ у меня. Провёлъ рукой, но было гладко. Когда случайно пальцы прошли ещё глубже, стало страшно, и я накрылъ её одѣяломъ.

Сегодняшній день ходилъ возлѣ желѣзнодорожныхъ путей, а когда ушедшій послѣдній вагонъ оставилъ гудѣніе въ рельсахъ, я, прислонившись ухомъ, слушалъ. Сердце громко стучало.

«Ты у меня хорошая» – всегда шепчу ей на ухо.

***

Пока она спить, выйду на крышу дома встрѣчать разсвѣтъ. Вѣдь теперь есть чѣму улыбнуться.

***

Исторія съ нѣкоторыми продолженіями, о которыхъ не были написано нигдѣ, развѣ что въ протоколахъ полиціи.

Съ нимъ гораздо проще вышло. Разбился. Глупо, но и равновѣсіе, и слабая черепица сыграли не въ пользу. Она же послѣ его смерти почти не выходила изъ квартиры. Сосѣди порой отчётливо слышали ея ругань, что-то о прочтѣнномъ дневникѣ, ублюдской похоти. Рѣже и рѣже слышали ея хриплый голосъ, ея ночные стоны съ криками. Теперь мужиковъ она водила къ себѣ просто такъ – не могла отвыкнуть. Черезъ недѣлю послѣ его смерти умерла и она. Полицейскимъ

недолго пришлось искать причину. Тот дивань, что кто-то выставил наружу, был пропитань пролитой ртутью.

Рѣка

Тёплыя руки ровно лежать на скатерти. Гуще обычного вино, а та угрюмая рѣка, что поодаль, въ одночасѣ стала пасмурнаго цвѣта.

- Рѣка, что исчезаетъ, какое время движеть тобой?
- Ничего-то она тебѣ не отвѣтитъ.
- Придѣтъ время – отвѣтитъ.
- Какъ же.
- Ты только не сомнѣвайся.

Передъ глазами есть домъ. Тёплыя бревна и нѣсколько оконъ, самоваръ на угляхъ и ржавая щеколда. Рѣку же слышно вездѣ.

- Слышно.
- Не забыль?
- Куда тамъ.
- Прояснится.
- Уже.

Приплывѣтъ отраженіе луны, ещё ближе прибѣтсѣ беззвѣтный стукъ сердца, а свѣтъ съ небесъ будетъ радовать.

- Разглядишь?
- Доплыву.
- Заглянешь?

– Прикоснусь.

– Въ вѣтрѣ и волнахъ?

– Навѣки обниму.

Родинка какъ божья коровка

Протянувъ руку до бокала, отставить вино, которое выдохлось.

– Вы научились танцевать?

– Эпатажъ?

Твой взглядъ давно, какъ сквозь. И лампы на столикахъ просторно освѣщаютъ бѣлыя скатерти. И музыка смеркается.

– Это мой жестъ.

– Это твоё танго.

Неизбѣжность свободы и объятіе. Предплечье, локоть, родинка. Ножки въ туфляхъ на тоненькихъ ремешкахъ невольно царапаютъ паркетъ. Шагъ, взглядъ, родинка.

– И танго.

– Это твоё танго.

Босыми ножками по ломкой прибрежной травѣ ступаешь. Съ послѣдними аккордами.

– Движенія.

Закрой глаза и прожужжить божья коровка – словно кленовый листъ цвѣта краснаго. Подлетить къ тебѣ, присядеть.

– Танго.

– Это мой жестъ, это твоя родинка. Это твоё танго.

Сестра изъ стали

Сталину:

...у меня нѣтъ семьи, значитъ некого убивать.

Я знаю, вы побѣдили, но у меня нѣтъ семьи.

04.03.1953

Всё больше становится причинъ пожаловаться и совсѣмъ позабыть страхъ. Многое разрѣшено, но не всё забыто. Накрывать столъ теперь уже не по деньгамъ, но чистую скатерть и ея фотографію я поставила. Теперь никого и не осталось, кто помнить о ней. Теперь помнить не о ней.

– Ты слышишь? – говорила мнѣ она возлѣ тишины шахты, – Слышишь Смерть?

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ ея не стало. Пятое марта – не весна. И даже не выдохъ зимы. Пятое марта – только въ пятьдесятъ третьемъ.

Ощущеніе разлуки съ болью? Исчерпано. Не стало сестры, и умеръ Сталинъ.

***

Нашѣлъ ихъ смятыми въ оконной пыли. Замѣтки на оторванныхъ листкахъ повязаны шнуркомъ. И тотъ, кто писалъ, ещё живъ. Возможно, хотя и для чего.

Пожелтѣвшія, съ паутиной въ углахъ стѣны квартиры сосѣдки, что увезли въ больницу.

Слѣдуетъ полить алоэ и на ночь закрыть окна.

***

Интересно ли, вывернувъ высоко голову, разсматривать отраженія оконъ. Тѣ снѣжныя облака, что расплываются въ синевѣ стѣколъ и опускаются застывшимъ занавѣсомъ.

Мнѣ проще. Отъ непониманія спѣшу къ бумагѣ и карандашу. Исторія о спасѣнной дѣвочкѣ ложится въ строчки и, кажется, становится легче.

Лицо моей сестры, какъ двѣ разныхъ половинки. Хорошая и хорошая. Маленькая. Жила страдающая.

— Къ ней... пусть же денно и ночью будутъ подниматься въ гору люди; подъ маршъ тростниковыхъ флейтъ.

Осколки отъ разорвавшейся мины прошли въ тѣло; послѣ чего, немедленно, её помѣстили въ военный госпиталь — тамъ, гдѣ солдаты, были и дѣти.

Сдѣлавъ операцію, немедленно, всё сняли съ себя вину.

— Не всё, не всё можно извлечь.

Она посвятила меня въ мистерию, известную ей одной. Мистерию предутреннихъ исполиновъ, приходящихъ на мигъ въ тотъ тѣмный часъ, когда всё безпробудно. Ихъ руки,

проскальзывая, не могли помочь ей. Но ощущалась сила.

Это былъ одинъ единственный день, а потомъ Сталинъ, получивъ, прочёлъ ея письмо. Изъ динамиковъ рѣзало рѣчью о смерти вождя, и плакалъ народъ. Народъ, потерявшій страхъ. Народъ, боящійся свободы.

Въ тишинѣ её изнасиловалъ врачъ и, второпяхъ застегивая ширинку, исчезъ. Немедля, на площадь, на общее собраніе.

Край полупустынныхъ задворковъ съ тщательнымъ отсутствіемъ иллюзій. Сестра считала шахту раемъ, а шагъ въ неё былъ прыжкомъ къ свободѣ. Шахта за госпиталемъ со временемъ стала использоваться, какъ общая могила, гдѣ горы труповъ пересыпали хлоромъ и запахъ гнили истекалъ зловоніемъ.

Туда на телѣжкѣ я отвезла её. Отвезла я, но она сама стянула себя въ бездну; прыжкомъ въ мѣсиво.

– Тогда страна оплакивала отца народовъ?

– Тогда же надъ шахтой отстроили псарню, какъ надгробіе надъ несуществующей сестрой.

Словно вѣтромъ касаться

У тополей много обычныхъ листьевъ, но если взять лишь одинъ опавшій, прикоснуть къ ладони – будетъ совсѣмъ по-другому. Или брать въ руки открытку съ поздравленіями, или дотрагиваться до женской груди.

Непріятной кислотой, оставшейся отъ лѣта, звѣздами пахнетъ.

– Не хмурься.

– Не буду.

Хлѣсткіе удары въ колоколь и можно считать, что міръ преобразился. Вотъ къ концу осени и подавно чище станетъ.

– Куда ужъ тамъ.

– Точно-точно. Увидишь, удивительно станетъ.

Пѣсни птицъ и чиханіе котятъ, горькій кофе и затхлое мясо. Взять книгу, попробовать на ощупь. Такъ можно и садовое яблоко покрутить; спѣлое.

– Можно до губъ?

– Тихонько.

– Очень тихо.

– Не робѣй.

– До губъ.

Оттолкнутся и взлетятъ. Отъ земли къ землѣ паря, отъ тепла къ теплу ровно крича. Птицы – онѣ вѣдь, пожалуй, везучія – у нихъ своя награда.

Восковыя свѣчи и ночью асфальтъ, крупный у моря песокъ и ея бѣдра. Просто красивыя.

– Тихонько.

– Помню.

– Оно вотъ.

– Вѣтромъ.

Терпко

Самую чуть, но чай отличается. Разнится вкусомъ воды и лимонностью карамели, что вприкуску. Совсѣмъ не похожа и заварка съ плавающими листочками поверхъ.

Жить загородомъ, ходить по обмелѣвшему берегу съ трупами сорокъ и берёзовой корой.

На тополяхъ сосѣдняго берега пожелтѣла листва, пожелтѣли берёзы, пожелтѣла трава, и только полынь оставалась полынью.

Въ сосѣдней комнатѣ спитъ дѣвушка съ маленькой грудью. Спитъ ея улыбка, похожая на нѣкогда видѣнную чюто. «Чюто» – есть въ этомъ отъ аристократіи.

– Въ сосѣдней комнатѣ спитъ дѣвушка съ маленькой Чюто.

– И стараться не надо.

– И любить подавно поздно. Это же Чюто.

Дѣвушка – хорошо. Пауки и печь – неплохо. Вотъ цѣпочка ходиковъ повисла надъ топоромъ, виситъ и косичка лука въ углу – всё подъ рукой. Пожалуй, стоитъ подойти къ портрету Ленина, тихо протереть отъ пыли коммунизмъ мозаики, отодвинувъ отъ края керосиновую лампу, допить бутылку коньяка.

Сексу въ двухъ метрахъ отъ портрета вождя кто-то не придасть бы значенія. Сексу въ двухъ метрахъ отъ чугунаго олимпійскаго медвѣдя никто не радъ. Фиолеть астръ, желтизна шафрановъ и массивы социалистической мебели.

– Что въ тебѣ не такъ?

– Совсѣмъ не такъ?

Вѣдь заходилъ разговоръ и о силѣ съ надёжностью, и о приоритетахъ, и о томъ самомъ Чьюто.

– Какъ сильно пахнетъ облѣпиха?

– Сильно.

– Насколько надёженъ ея запахъ?

Сейчасъ замѣчательное время, сейчасъ восхитительные люди, сейчасъ грандіозный сумракъ.

УДИВИТЬ

- Ты вся хорошая.
- Конечно.
- Съ этого можно и начать.
- Только держи меня.

Гобелень чуть испачканъ, но значенія не стоитъ придавать. Люстра въ пыли, её совсѣмъ не различишь. Дышится свободно и каждый вздохъ будто отрѣзанъ. Дышится свободно, но всё же что-то не такъ. Нѣкоторыя изъ пластинокъ въ трещинахъ, нѣкоторыя по полу. Всюду книги и подъ окномъ раскинуто одѣяло.

- Держу.
- То, что держишь ты, держать и тебя.
- Не паясничай.

Поодаль полотенце въ песокъ и солнечный свѣтъ. Смотришь въ патину зеркала, силишься разглядѣть помолодѣвшее лицо сквозь трещины амальгамы, но сѣдѣютъ волосы, и приближается вѣтеръ. Но, какъ и прежде, дышится свободно. Если не принимать близко къ сердцу затхлый апельсиновый амбре.

- Душа моя, не устала ли отъ діалога?
- Отнюдь.

– Влюблюсь вѣдь.

– А затѣмъ?

Кислотой прожжѣнныя изображенія пѣны моря, изображенія трещинъ, что рассыпались гдѣ-то въ облакахъ, поля хризантемъ и потоки сливочнаго масла. Нырять и заново погружаться, ласкать и сглатывать сокъ, торопиться ото сна и отворачиваться къ лунѣ.

– Навка – душа дѣвочки, умершей до крещенія.

– Но навку сердца удивить не сумѣешь?

– Посмотримъ.

Затѣмъ онъ подойдётъ къ ней поближе и, почти не соблюдая личной дистанціи, прикоснётся къ ея груди, вдохнётъ запахъ шеи, услышитъ, какъ накапливается ея женское.

Шёлъ и плакалъ

– Кто же тебя побѣдилъ, старикъ? – спросилъ онъ себя... – Никто, – отвѣтилъ онъ. – Просто я слишкомъ далеко ушёлъ въ моръ.

Эрнестъ Хемингуэй.

«Старикъ и море».

– Ты спрашиваешь, отчего мнѣ такъ грустно? А развѣ каждаго, кто въ такую лунную ночь оказывается въ пути, не одолеваетъ тайная печаль? Развѣ тебѣ не тоскливо?

– Да, конечно. Что и говорить, и мнѣ сейчасъ грустно. Но даже не понимаю почему.

– А ты взгляни на небо и поймѣшь. Печально отъ луны. И если тебѣ тоскливо, поплачь вмѣстѣ со мной. Пожалуйста, поплачь, – Слова эти прозвучали какъ музыка, ничуть не уступая мелодіи бродячихъ музыкантовъ. И что удивительно: даже сейчасъ, разговаривая со мной, женищина продолжала играть на сямисэнъ.

– Тогда и вы не скрывайте слѣзъ... повернитесь ко мнѣ. Я хочу видѣть ваше лицо.

Дзюнъитиро Танидзаки.

«Та, которую я люблю».

– Видишь? – сказалъ Ёжикъ. – У него нѣтъ ни папы, ни мамы, ни Ёжика, ни Медвѣжонка, онъ

*совстѣмъ одинъ – и не плачетъ.
Сергѣй Козловъ. «Ёжикъ въ туманъ».*

Сейчасъ, какъ никогда, рѣшить и выбрать опору.

Публично-пасторальное можетъ приглянуться, но сдѣлать акцентъ на ноткахъ вульгарности и напрочь вышвырнуть изъ каждой глотки по трахеѣ. Можно пообѣщать сцены насилія и аляповатыхъ непотребствъ. Но лучше представить глубокую осень въ стародавней лѣпнинѣ, представить покинутыя стѣны столѣтняго зданія и отмершій отъ нѣкогда насыщенной жизни курортъ.

Посѣтители, густое масло, холстъ и запахъ берега, что неподалёку. Картина ясна, но видимо малопонятна.

Ему правильнѣе сказать нѣсколько за сорокъ. Съ половиной.

Половина – ей нѣтъ и половины его возраста. Ея фигура, скорѣе всего, не можетъ похвастаться крѣпкими мышцами, но, несомнѣнно, у нея есть удачныя сиськи и безудержно лысый дѣвичій лобокъ. Она какъ несравненная шлюшка, взятая напрокатъ въ одномъ изъ провинціальныхъ городковъ, что на сѣверѣ ихъ страны.

Естественно, на ней есть подобающее лицо, есть алыя губки, присутствуютъ ухоженные маникюры и лакомыя бѣдра – такимъ наборомъ ея хозяинъ вполне доволенъ.

Приѣхалъ ли онъ на отдыхъ отъ жены, убѣжалъ ли отъ лю-

Бовницы къ новой, скрылся ли отъ своего кожанаго кресла, никто не знаетъ.

Ближе къ вечеру, пѣшкомъ онъ идѣтъ до ближайшаго городка и въ омертвѣвшемъ барѣ пѣтъ небольшими глотками пиво. Каменные улицы и чѣмъ-то памятную площадь съ городской ратушей онъ не приметъ къ своему вниманію. Остаётся безотвѣтственный пріёмъ пива и разсредоточенный взглядъ, остаётся запахъ мяса и доносящихся голосовъ.

Это же время она проводитъ въ неплохо устроенной ванной, вымывая изъ себя густые остатки. Послѣ пѣны споласкиваетъ своё тѣло прохладой, надѣваетъ его халатъ и тщательно разсматриваетъ своё юное лицо въ зеркалѣ.

Вечеромъ онъ вмѣстѣ ужинаютъ, онъ принимаетъ таблетки, она разстѣгиваетъ его ширинку и пуговицы рубашки. Происходитъ сексъ; спустя какое-то время они начинаютъ неизвѣстный и пустой разговоръ.

Три одинаковыхъ дня и три столь же одинаковыхъ ночи. Потныя простыни, неспѣшная грязь вокругъ и ея слова о счастливой жизни. Утро четвёртаго дня открывается руками полицейскихъ, вошедшихъ въ дверь заштореннаго номера. За ночь подсохшая кровь отчётливо видна всѣмъ. Виденъ чулокъ на его горлѣ и сперма на ея губахъ. Вѣны перерѣзаны на рукахъ дѣвушки, а его опавшій членъ прикрываютъ ея волосы.

Женщина, которая рядомъ

Глотокъ кофе и можно смотрѣть сонъ. Тамъ безъ изъяновъ радуга, тамъ шорохъ сухого хмеля и стаи журавлей, – какой же это сонъ. Всѣ здѣсь, на ладони вѣкъ. На ладони – вѣкъ.

Сколько бы ни становилось ей лѣтъ, она выглядитъ молодо. Время застынетъ снѣжинкой, когда придѣтъ зима, и, выкроивъ моментъ, она вспомнить то, что прошло. Вспомнить добрымъ словомъ и, казалось бы, станетъ моложе.

- Снова весенніе анемоны распускаются въ ея сердце.
- Ты, правда, увѣренъ, что мнѣ это подойдетъ?
- Какъ никогда.
- Стану счастливой?
- Миръ вязи старается не позволить себѣ, чтобы кому-то было пріятно внѣ его круга.

Она обниметъ, искренне попроситъ подождать короткое время. Дотронуться до ея шеи губами и согласиться. Теперь осень, теперь всё рядомъ.

- Стану счастливой?
- Конечно.
- Какъ скоро?
- Только рѣшись.
- Давай вмѣстѣ?
- Согласенъ.

Ирисы

Почти съ самага начала этой недѣли на подоконникѣ въ спальнѣ выдыхалось вино. Ничего не происходило. Ещё совѣмъ немного и придѣтъ декабрь. Тѣнь каждой ночи увеличивалась, а ея индиго расцвѣтало въ оконномъ инеѣ. На креслѣ всё чаще оставался пледъ, но тепло не приходило. Отчего не забылась встрѣча съ ней, сейчасъ и не придумать. Встрѣтились и не забыли – такое бываетъ. И нѣтъ ничего страннаго.

Рейсовый автобусъ съ мѣстами рядомъ. Подлокотники немного лишали уюта, но отъ такой тѣсноты становилось теплѣе. Такъ познакомились.

- Пріятно говорите, очень по-доброму.
- Ваша правда.
- Домой возвращаетесь?

Какъ такое бываетъ, порой не разобрать. Кто-то похлопатель, гдѣ-то что-то хорошо сложилось. Черезъ годъ знакомство. Заставляемъ другъ друга. Не останавливаемся. Просьбы въ приказы и никакой любви. Только не съ ней.

Утромъ на вокзалѣ купить семь ирисовъ полуночнаго неба и пріѣхать домой.

Корабль дѣлаетъ бурю

*Что онъ могъ ей сказать? Поднялъ на руки, отнёсъ на диванъ, сѣлъ рядомъ и сталъ рассказывать про хрустальные храмы, про весѣлые сады на много миль безъ гнилья, комаровъ и нечисти, про скатерть-самобранку, про ковры-самолѣты, про волшебный городъ Ленинградъ, про своихъ друзей – людей гордыхъ, весѣлыхъ и добрыхъ, про дивную страну за морями, за горами, которая называется по-странному – Земля...
Здѣсь и далѣе Аркадій и Борисъ Стругацкіе. «Трудно быть Богомъ».*

Когда-то во дворахъ бѣгали мальчишки въ рейтузахъ съ фіолетовымъ узоромъ ромбовъ, прыгали по асфальтовымъ классикамъ дѣвчонки въ колготкахъ. Родители наливали клюквеннаго морса въ сифонъ и долго трясли, зарядивъ баллончикомъ газа. Коричневая известь стѣнь и въ гудронѣ всѣ руки, вкусный напитокъ «Байкаль» и картонная коробка мойвы.

Зимы почти не запомнились, вѣдь были ватные тополя, и огромные рулоны типографской плотной бумаги, что иногда оказывались рядомъ. Это былъ городъ, дѣтскій городъ, лѣтній міръ.

– У насъ подъ ногами есть земля.

– Какъ день провёлъ?

– Посмотри, прыгни. Наши ноги ходять по землѣ.

– Да, и твои и мои ноги, но что въ этомъ такого?

– Нѣтъ, ты не понимаешь.

– Въ нашемъ дѣлѣ не можетъ быть друзей наполовину.

Другъ наполовину – это всегда наполовину врагъ.

Армія – толпа пучеглазыхъ и напрочь замороченныхъ людей – движется навстрѣчу къ свободѣ; невѣдомой свободѣ – за терновой околицей, за кустистой похабностью. Съ недо-вѣсомъ совѣсти и истоптанностью каблуковъ имъ долго ид-ти. Ещё дольше найти дорогу.

– Родная ты моя дѣвочка, у тебя такіе красивые глаза. Да-вай останемся друзьями?

– Какой же ты сволочь, – пожалуй, этого дѣвушка не про-изнесётъ, вѣдь кто какъ не она обязана быть порядочной. Только безчувственнымъ мужикамъ дозволено предлагать дружбу.

– Ты считаешь, что разговоръ закрыть?

– Пошёлъ вонъ, уродъ, – пожалуй, этого дѣвушка не про-изнесётъ и подавно, вѣдь кто какъ не она обязана быть по-рядочной.

– Прости меня сердечно, прости, родная ты моя дѣвочка.

Тогда, господи, сотри насъ съ лица земли и создай заново болѣе совершенными... или ещё лучше, оставь насъ и дай намъ идти своей дорогой.

- Сердце моё полно жалости, – медленно сказалъ Румата. – Я не могу этого сдѣлать.
- Послѣ насъ хоть потопъ.
- Довольствуйся малымъ.
- Вотъ мнѣ и мало.
- А на многое силъ хватить?
- Конечно.
- Пенять придѣтся на самого себя. Предупреждёнъ, отвѣтственень, владѣй.

Приходится вслушиваться въ музыку и стараться плыть по волнамъ. Чувствуя каждой точкой тѣла волны, ощущая порывы леденящаго вѣтра. Зная, что есть.

Пучина отвергнетъ, гнѣвно изрыгнётъ, оставивъ мѣткой рыбацкѣй ножъ въ спинѣ. Разорвѣтся капронъ сѣтей. Сойдутъ на нѣтъ и вспышки солнца, но корабль останется въ бурѣ.

Люди въ шубахъ

– Часомъ не отшибло разсудокъ?

– Ты о чёмъ?

– На тебѣ же шуба.

– Да, это роскошная вещь. Три метра подоль. И посмотри, какъ сіяетъ мѣхъ.

– На лѣтнемъ солнцѣ особенно замѣтно.

– Завидуешь счастью.

– Это отъ переполняющей радости съ тебя струится потъ и дурно пахнетъ?

– Скотина.

Скрипя звѣриными зубами, они не снимутъ съ себя шубъ. Никогда не выставятъ себя на посмѣшищѣ среди подобныхъ. И въ чёмъ радость манкурта, покуда въ шкафъ закрыть весь шика мѣхъ.

Не сжечь книгу

Осталась лишь кроликовая треуголка съ ея витыми трусиками.

– Кто знаетъ, какъ будетъ теперь?

Воткнуть пластинку и, опустивъ иглу, начать раскручивать виниль, улавливая шорохъ звука.

– Слышно хриплый голосъ.

«Маркетинговья изслѣдованія» истопили на самыхъ первыхъ порахъ. Изслѣдовавъ, сгорѣли.

Надѣть треуголку мѣхомъ наружу, взять лопату и, приоткрывъ дверь, отгрести слой красной пыли. Во дворѣ оглянуться, а возлѣ колодца-журавля посмотрѣть въ пустующее небо. Набрать полведра воды и будетъ хорошо.

Затхлыя энциклопедіи выжигались сразу, отъ нихъ было много тепла. Словно бы остановилось время, но иногда крутилась пластинка съ ея голосомъ, и можно было улыбнуться.

– Отвоевали. Кому сказать – не повѣрять. Монументы, медали, затѣмъ исчезло геройство и теперь всё вотъ такъ. Неплохо.

Не скрыть, хватало печати. Ушли атласы и справочники.

Сгинули собранія трудовъ чудесныхъ людей. На чёмъ пережили зиму, чѣму, возможно, въ глубинѣ своей и радовались. Послѣ пришлось сжечь рукописи учителей, которыя вспыхнули и погасли. Навѣрное, святостью.

Страхнуть пыль, провести рукой по мѣху и счастливо улыбнуться опять.

– Здорово, что это такъ. Хоть не иначе.

Изъ-за глянца журналы не ушли въ отхожеѣ. Тамъ на славу пригодились труды правозащитниковъ. Сгорѣли тома психологовъ и аналитиковъ отъ той науки – это было гдѣ-то между долгой зимой и серединой весны. Тогда же огорчились золой лидеры продажъ. Брошюры съ ихъ словами были малы настолько, что почти не дали тепла.

На окошкѣ стоятъ сухія хризантемы. Раньше онѣ пахли хризантемами, и было пріятно. Сейчасъ только ея трусики и наручные часы, которые совершенно ни къ чѣму. Остальное ушло въ огонь или разбилось отъ частыхъ движеній земли.

– Въ эти дни всё нормально.

Моя маленькая уснула и даже не стала подтягивать на себя одѣяло. Казалось, словно воздухъ серебрится и наплываетъ паромъ отъ крутого кипятка. Чтобы ей тепло спалось, пришлось спалить книги преданій и немногихъ истинъ.

Сегодня не сжѣгъ послѣднюю книгу, а когда она вознес-

лась и лучъ перебрался ко мнѣ, то всё исчезло, и хлынуль
свѣтъ.

Ночь дѣлаетъ меня нервнымъ

Порой ночь дѣлаетъ меня нервнымъ и далеко не по любой причинѣ. Развѣ можно что-то добавить къ этимъ словамъ.

За дрожью въ колѣняхъ, за взглядомъ, что совсѣмъ невидимъ, тотъ, что закрытъ, чувствуется чѣ-то присутствіе. Оно слѣдуетъ за мной, преслѣдуетъ, какъ женщина, которая хочетъ.

Такъ получилось, что помню многія ночи, помню закрытый взглядъ той женщины, помню ея вѣки.

Почему не долженъ бояться темноты. Почему даже сейчасъ остаётся нѣкая причина, почему же ночь дѣлаетъ меня нервнымъ.

Слѣпокъ Дона Лучано

– И откуда такіе непосѣды берутся?

– Съ небесъ.

– Съ небесъ?

– Ну да, тамъ вѣдь моя мама.

– Если хочешь портретнаго сходства, придѣтся немного успокоиться.

– Немного это какъ?

– Только лишь наброски сдѣлать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.